

Вероника Мелан

АССАСИН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М47

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия
Иллюстрация на обложке
Степан Гилев

Мелан, В.

М47 Ассасин / Вероника Мелан. - Москва : Издательство АСТ, 2015. - 384 с. - (Другие Миры).

ISBN 978-5-17-091736-5

Эта история началась поздним вечером, когда Эллион Бланкет села в машину к мужчине, которого видела впервые в жизни. Красивый, но смертельно опасный незнакомец, чьего имени девушка даже не знала, подарил ей самую удивительную и страстную ночь, а наутро просто отвез обратно в город.

Наверное, на этом бы все и закончилось, но судьба распорядилась иначе. Эллион и Рен Декстер встретились вновь. Для чего? Был ли это второй шанс? Эллион думала так, но...

Что делать, если человек, которого ты любишь, считает тебя предательницей? Как выбраться из места, откуда нет выхода? Как жить, если до смерти, до твоего самого последнего вдоха, осталось... всего лишь пятнадцать дней?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-091736-5

©В. Мелан, 2015
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2015

Часть первая. Встреча

Глава 1

Он был невероятно красив.

Красив в этой смертельной схватке, где любой другой уже лежал бы недвижим, истекая быстро холодеющей кровью. Но не он. Человек, на которого я смотрела, притаившись в тени бетонного угла многоэтажного дома, двигался слишком стремительно, чтобы его противники могли причинить ему хоть малейший вред.

Хотя их было семеро против одного, это, казалось, нисколько не смущало высокого мужчину в центре. На его кожаной куртке имелся лишь один тонкий порез от ножа, и на этом видимые повреждения заканчивались. Четверо противников лежали на асфальте неподалеку, трое еще дрались.

Один, неудачно замахнувшись, метил в челюсть, но слишком сильно отвел руку назад и даже не успел вернуть ее в исходное положение, когда мощный удар кулаком в лицо свалил его на землю. Раздавшийся при этом хруст ломающегося носа неприятно дополнил и без того мрачную картину. Лицо человека, который теперь лежал на асфальте, напоминало кровавую маску, разрисованную художником-абстракционистом ярко-красными разводами.

Я понимала, что нужно уходить. Не просто уходить – бежать, пока меня не заметили, – но, несмотря на страх, почему-то продолжала наблюдать за смертельным танцем маленьких человечков вокруг грозного божества. Слишком захватывающая разворачивалась картина.

Второй из оставшихся на ногах пробовал незаметно подойти к незнакомцу из-за спины в наде-

жде, что товарищ отвлечет на себя его внимание, и тогда он сможет завершить схватку при помощи зажатого в руке ножа. Но его намерениям не суждено было сбыться: внимательный ко всему человек в кожаной куртке, резко крутанувшись вокруг себя, выбил нож, и тот с громким звяканьем откатился в сторону. Притянув нападающего за волосы, мужчина ударил противника затылком об асфальт.

В этот момент меня пробил озноб. Нужно бежать. Бежать, скрываться, делать вид, что меня – случайного свидетеля – никогда не существовало. Однако что-то в разворачивающейся перед глазами картине продолжало завораживать – так, вероятно, завораживает женщину осознание того, что перед ней настоящий альфа, способный постоять за себя самец, умелый воин, доминант. И я, подобно наблюдающей за схваткой волков овечке, продолжала находиться без движения.

«Зачем такому количеству людей нападать на одного? Ведь это нечестно, неправильно...»

Однако мое «неправильно» ничуть не смущало мужчину в кожаной куртке.

Когда последний из оставшихся в живых с резким криком бросился на хищного незнакомца, злобно и жадно мечтая о мести за убитых товарищей, он был сбит точной подсечкой снизу. Мощная нога мгновенно присевшего на корточки человека просвистела по полукругу и заставила бегущего рухнуть на спину. Раздался жалобный вскрик. Лежа на земле, тот выгибался дугой, но навредить уже ничем не мог. Несмотря на это, противник неторопливо ступил ближе и завис над корчащейся жертвой. В этот момент я хорошо разглядела выражение его лица – спокойное, ничего не выражающее, без тени раздражения, – казалось, он почти наслаждался происходящим. Лишь несколько прядей темных волос выбились из прически и упали на лоб. Если бы не это и не тонкий порез на куртке рядом с рукавом, трудно было предположить, что он вообще совершал

какие-либо быстрые движения, не говоря уже о драке.

Человек на земле все стонал. В какой-то момент мне показалось, что его позвоночник может быть сломан, и я содрогнулась от этой мысли. Представлять, какую боль он при этом должен испытывать, было выше моих сил, но это совершенно не волновало мужчину, стоявшего рядом. Одним быстрым движением тот выхватил из-за голенища узкий длинный нож и резко всадил его в шею стонавшему человеку. Он мгновенно обмяк. В наступившей тишине пару раз булькнуло, кровь толчками выливалась из глубокого пореза, откуда убийца только что вытащил лезвие.

Вот и все.

Я слышала, как мое сердце медленно и тяжело отстукивает удар за ударом.

Тишина зажато с двух сторон офисными высотками проспекта, три машины на дороге, множество лежащих на земле тел и стоящий посреди поверженных высокий спокойный темноволосый человек. Просто бандитская разборка какая-то, кто-то с кем-то что-то не поделил. Вот только что в непосредственной близости от всего этого делаю я – замороженная чужой битвой дуручка?

В это время, широко расставив ноги, победитель спокойно обводил взглядом поверженных: его руки застыли по бокам, могучие плечи расправлены, голова опущена вниз. Воин-победитель, ни дать ни взять сошедший со страниц книг завоеватель. В неярком свете уличных фонарей его фигура зловеще вырисовывалась на фоне серых зданий; ночь уже два часа как вступила в свои права.

И именно в этот момент я четко осознала, насколько глупо поступила, не убравшись подальше. И пораньше.

Почему не две минуты назад? Почему не тридцать секунд назад, ведь тогда еще был шанс?

«Элли, уходи отсюда... только уходи тихо».

Мне ведь ни к чему проблемы? Совсем ни к чему.

«Ты всегда была тормозом, дурочкой и к тому же любила сильных мужчин».

Ага, любила. И одного только что увидела во всей красе, только совсем не вовремя. Вот если бы в кафе, в баре, да просто шагающего при дневном свете по проспекту...

«Но тогда бы ты не увидела его “в действии” – раздался в голове укориженный и, кажется, довольный поворотом событий голос.

Да, не увидела бы. И целее осталась. Зря этой ночью, возвращаясь с вечеринки, я отказалась от такси и решила срезать путь через офисный район, ой как зря. Моя логика после трех бокалов вина – непривычно большого для меня количества спиртного – однозначно хромала. Хотя хромала она не настолько, чтобы продолжать стоять без движения и ждать, пока незнакомец, разобравшись с зачисткой трупов, уедет.

«Зря ты боялась, что тебя начнет мутить в машине. Уж лучше бы замутило – кого волнует запачканная обшивка?»

Если кого-то и волновало, то точно не меня и точно не теперь. Меня волновало другое – мысль о том, что я до сих пор отсюда не убралась. С бешено колотящимся сердцем, которое, казалось, грохотало на целый квартал, я начала медленно отступать глубже за угол, в тень.

«Потихоньку, потихоньку, медленно и тихо».

Не успела. Не успела!

Стоило мне совершить единственное движение, а моей сумочке тихо звякнуть кольцами наплечного ремня, как незнакомец тут же уставился на меня, и взгляд его доброжелательным не был.

«Черт. Черт-черт-черт!»

Все, не успела. Медлительная дурочка, нерасторопная корова...

Мы смотрели друг на друга в течение нескольких секунд. Он – напряженно и задумчиво (убить меня теперь или нет?), я – широко распахнув глаза и не моргая.

Секунда, две, три. Отсутствие движения, сковывающий страх и непонятно отчего примешивающаяся ко всему доля любопытства.

«Какое любопытство, Элли?! Очнись!»

А ведь он знал. Он все это время знал, что за ним наблюдали. Откуда пришло это четкое понимание, я не догадывалась, но сей факт почувствовала со всей очевидностью – «убийца» совершенно точно осознавал, что из-за угла за ним наблюдают, но предпочел временно оставить этот мелкий момент без внимания. И теперь просто наблюдал за моей реакцией.

Моей реакцией? И она – чуть хмельная, бурлящая адреналином после увиденного – не замедлила проявиться. Вместо того чтобы, поджав хвост, улепетывать, я медленно вытянула вперед трясущуюся от волнения руку и оттопырила вверх от кулака большой палец.

«Твоя победа, – говорил этот жест, – это твоя победа. Чистая и достойная».

Пытаясь понять, не сбрендил ли я, выражая одобрение человеку, который только что дрался насколько красиво, настолько же и жестоко, я начала медленно отступать назад.

«Я просто посмотрела, – говорили мои глаза, – битва была завораживающей. Теперь я ухожу. Отпусти... Отпусти».

Шаг назад. Еще один. Руку вниз, ремень перехватить, медленно развернуться.

Если незнакомец решит убрать меня как свидетеля, то, наверное, сделает это быстро – например, выстрелит в спину.

«Или метнет нож».

От напряжения мои лопатки жалобно заныли; под тонкой блузкой по спине потек пот.

«Отпусти, отпусти... Я ничего не видела и не помню, я уже все забыла. Отпусти».

Десять метров. Двадцать. Полдома пройдено.

Если не догнал сейчас, то, возможно, не догонит никогда.

«Не пей больше, Элли, ты не умеешь. И не ходи домой по пустынным улицам».

Не буду, не буду, не буду.

Впереди еще два здания, за ними аллея и парк. Через парк не пойду, пойду в тени тополей вдоль дороги: главное – быстрее, главное – уйти. Главное – пройти еще триста метров, а там рукой подать до светлого проспекта, там поворот на знакомую улицу...

Пятьдесят метров. Сто. Сзади тишина – ни шорохов, ни тихих шагов, ни топота бегущих ног.

Лишь обогнув по периметру последнюю высотку, я сумела выдохнуть с облегчением и только теперь осознала со всей четкостью, как близко стояла к пропасти.

«Мог бы убить. Запихнуть в машину, увезти куда угодно или же просто пристрелить. И лежала бы я там вместе с этими бедолагами, разбавив мужскую компанию трупов одним женским...»

Паника заставляла сердце колотиться молотом, виски пульсировать, а ладони и колени дрожать.

Отпустил.

И хорошо.

Красивый или нет, не стоило так рисковать.

«Не рискуй больше, Элли, не рискуй...»

Не буду, не буду, не буду.

Сказал бы мне кто-то, что гораздо сильнее, чем только что, я рискну уже через пять минут, я бы никогда и ни за что в это не поверила.

То, что произошло дальше, явилось не столько странной случайностью, сколько рядом, состоящим из тончайших совпадений, в котором немаловажную роль сыграли выпитое за час до этого спиртное, яркое впечатление от недавней драки и бурлящий в крови адреналин. Вдоль парка я почти бежала: торопилась, радовалась тому, что ушла «без потерь», прокручивала в голове моменты битвы и с удивлением ловила себя на том, что продолжаю ею восхищаться.

«Тебе точно не хватает приключений, да?»

Возможно. Наверное. Не знаю. Мне всего хватает... Нет, наверное, чего-то не хватает.

«Не знаю, уймись».

Да, я восхищалась этим незнакомцем – трудно не признать.

Почему? Потому что далеко не каждый мужчина способен постоять за себя. А не каждый из тех, кто способен, может отбиться, когда нападает сразу несколько человек. И почти никто не может справиться с семью противниками. А если к героическому облику, умению двигаться стремительно и плавно прибавить исключительное брутально-красивое мужское лицо, можно вообще остаток жизни провздыхать в мечтах.

Я шла, радовалась собственной удачливости, «свободе» и странным образом одновременно испытывала разочарование.

«Это все алкоголь и его легкомысленные последствия».

Все-таки жаль, что все кончилось. Что теперь я знаю, что такие мужчины существуют – они есть в реальной жизни, действуют по ночам, уезжают в неизвестном направлении и растворяются в ночи еще до восхода солнца. Но они есть, есть на самом деле, вот что главное.

Внутри восторженно, страшно и грустно одновременно.

И может, однажды я встречу такого для себя. Для отношений, для встреч, для... хотя бы для одной встречи, чтобы узнать, каково это – быть с таким человеком? Провести с ним час или ночь? Поговорить с ним?

«Бред. Наверное, для общения даже общих тем не найдется: такие люди – бойцы-профессионалы, а ты дизайнер по витражам. О чем говорить?»

Да, не о чем.

А спустя пару минут выяснилось, что разговаривать требуется далеко не всегда.

Шум подъезжающего сзади автомобиля я услышала не сразу – его скрыло мое собственное хриплое дыхание, цокот длинных каблучков и все еще грохочущий в ушах пульс. Я занималась самобичеванием, я радовалась, я испытывала крайне смешанные чувства, как будто только что едва не соприкоснулась с чем-то запретным и прекрасным, но все-таки не соприкоснулась, я рвалась домой.

А когда за всем этим все-таки услышала автомобиль, бросаться прочь от обочины в тень древесных стволов стало поздно. Тихий гул мотора, плавно вползающий в поле зрения хромированный черный капот, крыло, водительская дверца. Стекло опущено. А из-за стекла...

А из-за стекла на меня смотрело уже знакомое лицо. Красивое и спокойное брутальное лицо: прямой нос, темные брови, широкие губы, квадратный подбородок, чуть прищуренные серо-голубые глаза.

Те самые глаза – глаза человека, который недавно дрался на улице.

«Убить? Он решил меня убить?»

То была первая и самая страшная мысль, которая скользнула в голову и моментально встрепенула начавший было улегаться страх.

Ведь он мог убить меня раньше... Зачем?

От нахлынувшей паники ноги сделались ватными, и я остановилась – мы вновь смотрели друг на друга в тишине. Я старалась не выказать того, насколько напугана, а он внимательно и довольно откровенно изучал меня с ног до головы: лицо, фигуру, одежду, ноги и даже обувь.

Осмотрел. Лицом не изменился. Не выказал ни довольства, ни недовольства, лишь отвернулся и обронил одну-единственную фразу:

– Я скучаю сегодня ночью.

Что? Что?.. Скучает? Что он имеет...

Конечно же, я знала, что он имеет в виду.

Он предлагает поехать с ним.

Куда? Лучше не спрашивать. Зачем? Расскажет сам, если захочет. А скорее всего, покажет.

Я согласна? Мне это надо? Конечно, нет – он опасен. Но убивать вроде бы не собирается, и на том спасибо. А приключения? Лучше оставить их на ближайшее или далекое будущее – неужели мне на сегодня не хватило?

«Не хватило».

«Элли!»

А он был красив. Красив не по-глянцевому, не для любящих сладких и эмоциональных юношей девушек, но красив лицом, телом, аурой, исходящим от него ощущением силы... даже в своей расслабленной молчаливой ленте он был прекрасен тоже.

«Но ведь он только что убил кого-то. Он может убить и тебя. Вдруг ловушка?»

Но ловушки не ощущалось. Ни нажима, ни напора, ни угрозы – просто предложение «если хочешь, можешь поехать со мной, если не хочешь, я поеду один». Все так просто.

Я продолжала рассматривать его молча.

Где он – правильный ответ? Какой он?

Не я ли только что расстраивалась из-за того, что знакомство не состоялось? Я. Разочаровывалась, обижалась на судьбу, вздыхала. И вот он – шанс. Принимать или нет? Быть умной, глупой, логичной, рассудительной? Быть правильной, испорченной, безмозглой? Какой надо быть? Какой? Ведь у меня всего лишь несколько секунд.

И неожиданно для себя я решилась. Сделала то, о чем, как я полагала, могу пожалеть всю оставшуюся жизнь или же, наоборот, всю оставшуюся жизнь благодарить себя за правильное решение, – я обошла черный автомобиль, открыла дверцу и села внутрь.

Я сделала выбор.

На протяжении двадцати минут мы ехали по извилистой дороге, ведущей в сторону океана. Строений в той стороне практически не осталось – лишь близкий выезд на трассу, – и это навело меня на мысль спросить о конечной точке нашего путешествия, но каким-то странным образом я поняла, что мой таинственный незнакомец не желает ни лишних слов, ни вопросов. Оставив себе право узнать об этом в конце дороги, я принялась смотреть в окно.

«Ты дурочка, Элли. Просто дурочка. Куда он везет тебя? Почему так далеко?»

Примерно через полчаса сюрреалистической тишины и нервно кружащих в моей голове вопросов мы свернули в сторону, на узкую колею, выходящую прямоком на пляж. Темные волны с тихим плеском набегали на светлый песок и плавно откатывались обратно; воздух пах солью и прелыми водорослями. В тени пальм, растущих чуть в отдалении от берега, белело бамбуковыми стенами бунгало.

«А вот и конечная точка нашего путешествия».

Значит, он не стал везти меня к себе домой, а решил ограничиться единственной встречей в том месте, куда я вряд ли смогу найти дорогу самостоятельно. Мысль эта неприятно кольнула, но тут же исчезла – ведь я и сама понимала, что все происходящее не более чем короткая авантюра с сексуальным уклоном – не так ли?

Так. Ну и ладно.

Место мне нравилось.

Маленький, но аккуратный домик покрывали пальмовые ветви, периметр уютной веранды венчал плетеный забор. Несколько деревянных ступеней спускались с крыльца, утопая в белом песке. Свет внутри не горел.

За всю поездку мой сосед не сделался разговорчивее. Выехав на пляж, он остановил машину, вышел из нее, дождался, пока выйду я, и зашагал к домику. Я поначалу решила последовать за ним,

но как только моя нога ступила на песок, очарование этого места затопило с головой. Почему я никогда не знала, что на окраине Канна существует подобный райский уголок? Прямоугольник пляжа с двух сторон закрывали подступающие почти вплотную к воде деревья – они защищали белый песок от ветра и позволяли уютно нежиться в тишине и спокойствии, слушая неторопливый плеск волн.

Ноги сами понесли меня к тихо шуршащему прибору. Не скрывая восторга, я опустилась и зачерпнула горсть мокрого песка. Среди песчинок на моей ладони едва поблескивали мелкие камушки. Когда накатила волна, я опустила руку в воду – до чего теплая! Эта бухта просто создана для купания.

«А ведь я приехала сюда не одна, а с человеком, чьего имени не знаю».

Я обернулась и посмотрела на бунгало, из окон которого теперь лился теплый желтый свет. Внутри помещения двигался силуэт. Решив, что пора взглянуть на дом изнутри, я поднялась и зашагала обратно.

Дверь тихо скрипнула, пропуская в уютную комнату. Снаружи казалось, что внутреннее убранство будет более простым, возможно, примитивным, но я ошиблась. Здесь все было сделано со вкусом. Плетеные стулья располагались вокруг стола, кровать находилась слева – сверху мягкое стеганое покрывало. На столе, покрытом бежевой скатертью, стояла лампа на тонкой ножке; на стене несколько изящно переплетенных композиций из лозы и сухих цветов. Несмотря на обильный и стильный декор, помещение было пропитано исключительно мужским присутствием.

Удивило и полное отсутствие пыли на предметах. Это говорило либо о том, что хозяин часто появляется здесь сам, либо о том, что он оставляет кого-то присматривать за домом.

Оторвавшись от созерцания обстановки, я посмотрела на человека, который привез меня сюда, – он